

[https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6\(1\)-6-23](https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6(1)-6-23)

Пространственная семиотика и урбанистическая морфология Большого Сочи: от советской утопии к олимпийскому симулякру

Б. В. Маилян

Российско-Армянский университет, Ереван, Армения
Институт востоковедения НАН РА, Ереван, Армения
mailyan1968@gmail.com

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пространственная семиотика
урбанистическая морфология
Большой Сочи
советский неоклассицизм
советский модернизм
олимпийский симулякр
линейный город
кинетический урбанизм
семиотическое вытеснение
пространственная триада
Лефевра

АННОТАЦИЯ

Статья представляет собой первую часть комплексного семиотического и урбанистического исследования Большого Сочи — уникальной линейной агломерации Черноморского побережья Кавказа. Опираясь на постструктуралистскую урбанистику, пространственную семиотику и культурную географию, автор рассматривает Сочи как сложный гетерогенный текст, подлежащий декодированию через призму знаковых систем, мифологем и идеологических наслоений. В центре анализа — историческая эволюция пространственных кодов агломерации: от сталинского тоталитарного неоклассицизма, кодировавшего пролетарский эскапизм и государственную заботу через дворцы-санатории, к советскому модернизму 1960–1970-х годов с его эстетикой прозрачности и массовости. Особое внимание уделяется постсоветской трансформации — распаду мифа «всесоюзной здравницы», коммодификации пространства и появлению новых знаков социального неравенства. Олимпийский мегапроект 2014 года анализируется как радикальный инструмент ре-семиотизации, породивший три семиотических ядра: исторический центр Сочи, Прибрежный олимпийский кластер в Имеретинской низменности и горный кластер Красной Поляны. Отдельно исследуются феномены «фавеллизма» и неформальной морфологии как контр-текстов официального курортного нарратива, а также барьерная роль железной дороги как семиотической травмы разделенности города и моря. Анализ через призму пространственной триады Лефевра («замышляемое», «воспринимаемое» и «переживаемое» пространства) выявляет глубокие расколы между утопическими проектами власти и повседневной реальностью жителей. Линейная структура города, его «кинетический урбанизм» и феномен «семиотического вытеснения» — маргинализации памяти коренных народов и раннесоветского прошлого — завершают панораму первой части исследования. Автор приходит к выводу, что современный Сочи функционирует как палимпсест, в котором сменяющие друг друга цивилизационные мифы оставили конкурирующие и часто взаимоисключающие пространственные автографы.

Для цитирования:

Маилян, Б. В. (2026). Пространственная семиотика и урбанистическая морфология Большого Сочи: от советской утопии к олимпийскому симулякру. *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*, 6(1), 6–23. [https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6\(1\)-6-23](https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6(1)-6-23)

Финансирование:

Исследование не имело спонсорской поддержки (собственные ресурсы).

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Spatial semiotics and urban morphology of Greater Sochi: from Soviet utopia to Olympic simulacrum

Beniamin Mailyan

Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia
Institute of Oriental Studies of NAS RA, Yerevan, Armenia
mailyan1968@gmail.com

KEYWORDS

spatial semiotics
urban morphology
Greater Sochi
Soviet neoclassicism
Soviet modernism
Olympic simulacrum
linear city
kinetic urbanism
semiotic displacement
Lefebvre's spatial triad

ABSTRACT

This article constitutes the first part of a comprehensive semiotic and urbanistic study of Greater Sochi – a unique linear agglomeration along the Black Sea coast of the Caucasus. Drawing on post-structuralist urbanism, spatial semiotics, and cultural geography, the author examines Sochi as a complex heterogeneous text to be decoded through its sign systems, mythologemes, and ideological strata. The analysis centers on the historical evolution of the agglomeration's spatial codes: from Stalinist totalitarian neoclassicism, which encoded proletarian escapism and state paternalism through palace-sanatoriums, to Soviet modernism of the 1960s–1970s with its aesthetics of transparency and mass recreation. Particular attention is paid to post-Soviet transformation – the disintegration of the “All-Union health resort” myth, the commodification of space, and the emergence of new signs of social inequality. The 2014 Olympic mega-project is analyzed as a radical instrument of re-semiotization that produced three semiotic nuclei: the historic center of Sochi, the Coastal Olympic cluster in the Imereti Lowland, and the mountain cluster of Krasnaya Polyana. The phenomena of “favellism” and informal morphology are examined as counter-texts to the official resort narrative, alongside the barrier role of the railway as a semiotic trauma of the city's separation from the sea. Analysis through Lefebvre's spatial triad – conceived, perceived, and lived space – reveals deep rifts between the utopian projects of power and the everyday reality of residents. The article concludes with an examination of the city's linear structure, its “kinetic urbanism”, and the phenomenon of “semiotic displacement” – the marginalization of indigenous memory and early Soviet history – which together define the first arc of this ongoing investigation.

For citation:

Mailyan, B. V. (2026). Spatial semiotics and urban morphology of Greater Sochi: from Soviet utopia to Olympic simulacrum. *Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*, 6(1), 6–23. [https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6\(1\)-6-23](https://doi.org/10.34680/urbis-2026-6(1)-6-23)

Funding:

The research had no sponsorship (own resources).

Conflict of interests:

The author declares no conflict of interests.

Введение

Исследование пространственной организации и знаково-символических систем крупных курортных агломераций Кавказского побережья Причерноморья требует принципиального расширения методологического инструментария, находящегося на стыке постструктуралистской урбанистики, культурной географии и семиотики пространства. Курортный город в данном контексте понимается не просто как утилитарная совокупность рекреационных мощностей, транспортных узлов и селитебных зон, а как сложный гетерогенный текст, подлежащий декодированию через призму его знаковых систем, мифологем и идеологических наслоений (Baudrillard, 1994, p. 34; Barthes, 1986, p. 92). В географической традиции этот подход соотносится с концепцией культурного ландшафта и семиотики постиндустриального города (Замятин, 2006, с. 15).

Наиболее репрезентативным полигоном для подобного междисциплинарного анализа выступает Большой Сочи — уникальная линейная агломерация, чья урбанистическая ткань формировалась в условиях жесткого пересечения геополитических амбиций, рекреационных утопий и радикальных экономических трансформаций. Начиная с раннесоветского периода, когда Черноморское побережье Кавказа концептуализировалось как «всесоюзная здравница», и заканчивая масштабными мегапроектными преобразованиями начала XXI века, Сочи аккумулировал в себе сменяющие друг друга пространственные коды. Как отмечают исследователи, Сочи прошел уникальный путь от закрытого номенклатурного эдема к открытой, а затем тотально коммерциализированной структуре (Ермачков, 2016, с. 43–49; Онищенко, 2009, с. 239–240).

В рамках урбанистической семиотики городское пространство рассматривается как динамическое означающее, где материальные объекты — здания, набережные, парковые зоны, дорожные развязки — выступают в роли знаков, транслирующих определенные смыслы, ценности и властные интенции (Есо, 1986, p. 58). Линейная структура Большого Сочи, растянувшаяся вдоль побережья более чем на сто километров, диктует специфическую логику восприятия этого пространства. Она разрушает классическую центрическую модель полиса, превращая город в цепочку непрерывного транзита и лиминального опыта (Shields, 1991, p. 114). Здесь семиотическое поле формируется за счет контраста между природным ландшафтом и агрессивным антропогенным вторжением, где естественная геоморфология Кавказских гор и Черного моря выступает не просто фоном, но активным соучастником семиозиса.

Советский период: от тоталитарного неоклассицизма к модернизму

Архитектурный облик Сочи советской эпохи, заложенный генеральным планом 1930-х годов, оперировал кодами тоталитарного неоклассицизма, который в курортном контексте приобрел черты так называемого «сталинского ампира» с выраженной палладианской матрицей. Санатории-дворцы, такие как санаторий имени Серго Орджоникидзе или санаторий «Металлург», прочитывались как репрезентации социалистической утопии, где пролетариат получал доступ к аристократическим кодам досуга (Groys, 1992, p. 45). Элементы классического ордера — колоннады, портики, ротонды, балюстрады — функционировали как знаки триумфа человека над дикой природой субтропиков и одновременно как символы

доступности высших благ в рамках патерналистской модели государства. Именно этот период сформировал «золотой канон» города как целостного ансамбля (Субботин, 2021, с. 110–111).

В этой семиотической системе ключевое значение имела ось «гора – море», где санаторные комплексы, фланкирующие горные склоны, выступали в качестве ступеней иерархической лестницы, ведущей к главному рекреационному медиатору – морскому побережью. Парковые ансамбли, окружающие эти дворцы здоровья, выполняли роль идеализированных гетеротопий, изолированных от повседневного дефицита советского быта (Foucault, 1986, p. 24). Ландшафтная архитектура Сочи этого периода оперировала интродуцированной флорой (пальмы, кипарисы, магнолии), которая сама по себе являлась экзотическим знаком «юга», декорированного под «рай», искусственно сконструированного для советского труженика. Урбанистическая ткань Сочи, таким образом, кодировалась как пространство легитимного гедонизма, жестко регламентированного государственными медицинскими протоколами. Семиотика «курортного романа» и эскапизма сосуществовала с дисциплинарными кодами санаторного режима, создавая уникальный гибридный хронотоп (Bakhtin, 1981, p. 84).

С переходом к эпохе советского модернизма 1960–1970-х годов пространственные коды Большого Сочи претерпевают радикальную трансформацию. На смену тяжеловесной репрезентативности сталинского неоклассицизма приходит эстетика интернационального стиля, оперирующая знаками легкости, прозрачности и геометрической чистоты (Frampton, 2007, p. 210). Объекты вроде гостиничного комплекса «Дагомыс» или пансионатов в Пицунде и Адлере начинают транслировать смыслы модернизационного рывка, технологического прогресса и открытости миру. Архитектурный знак теперь избавляется от избыточного декоративизма, фокусируясь на функциональности и интеграции внутреннего и внешнего пространств через сплошное остекление и использование монолитного бетона (Антология курортной архитектуры, б.д.; Садкова, 2026; Самойлов, 2026). В урбанистическом планировании этого периода акцент смещается на массовость рекреационного обслуживания, что приводит к уплотнению линейной структуры города и формированию новых узловых точек, разрывающих монополию исторического центра Сочи.

Постсоветская трансформация и Олимпийский мегапроект

Наиболее драматический семиотический и урбанистический разрыв произошел в постсоветский период, когда город столкнулся с вызовами дикого капитализма, хаотичной девелоперской экспансии и последующей псевдолиберальной модернизации в рамках подготовки к Зимним Олимпийским играм 2014 года (Harvey, 2005, p. 67). Постсоветский Сочи пережил деконструкцию прежнего целостного мифа «всесоюзной здравницы». Пространство города подверглось фрагментации и коммодификации, при которой каждый участок прибрежной и предгорной зоны превратился в товар (Sassen, 2001, p. 142). Семиотика этого периода характеризуется эклектикой и визуальным шумом: исторические модернистские и классицистические маркеры оказались погребены под напластованиями коммерческой архитектуры, высотного точечного девелопмента и суррогатных знаков глобального консьюмеризма. Появление элитных жилых комплексов, узурпировавших видовые характеристики и перекрывших доступ к морю, сформировало новые

знаки социального неравенства и исключения (Бозин & Бомбин, 2011, с. 153–155; Трухачева & Шапиро, 2014). Городская среда утратила свою семиотическую связность, превратившись в палимпсест, где сквозь новые глянцевые поверхности проступали руины советской инфраструктуры.

Олимпийский мегапроект 2014 года стал радикальным инструментом ре-семиотизации Большого Сочи, полностью переформатировавшим его урбанистическую идентичность (Müller, 2014, p. 630). В рамках этого проекта произошло смещение фокуса города и создание двух новых мощных семиотических ядер: прибрежного кластера в Имеретинской низменности (ныне пгт Сириус) и горного кластера в Красной Поляне. Имеретинская низменность, бывшая ранее дельтовой, болотистой территорией со старообрядческими поселениями и уникальной экосистемой, была подвергнута тотальной джентрификации и асфальтированию (Коротаев, 2015, с. 105). Здесь был развернут олимпийский парк, чья пространственная семиотика базировалась на кодах хай-тека, футуризма и государственной мощи. Спортивные стадионы-гиганты («Фишт», «Большой», «Шайба») функционировали как монументальные знаки включенности России в глобальный спортивно-развлекательный дискурс и демонстрации технологического суверенитета (Анисимов, 2015, с. 67–68). Как отмечается в исследовании постолимпийских трансформаций, эти объекты сформировали полностью автономную социально-экономическую и семиотическую зону (Дрейзис, 2018, с. 134–135).

Урбанистика Имеретинского кластера создавалась «с чистого листа» на основе автомобильно-центричной модели, далекой от традиционной сочинской пешеходной масштабности и тенистой парковой среды. Это привело к возникновению специфического пространственного отчуждения: огромные открытые пространства, асфальтовые поля и масштабные сооружения сформировали гиперреальную среду, напоминающую симулякры Лас-Вегаса или Дубая (Soja, 1996, p. 240).

Горный кластер (Красная Поляна, Роза Хутор, Эсто-Садок), в свою очередь, подвергся семиотической колонизации под знаком «русской Швейцарии». Архитектурная морфология курорта «Роза Хутор», имитирующая псевдоисторический европейский урбанизм с ратушными площадями, набережными вдоль реки Мзымта и стилизованными фасадами, представляет собой классический пример пастиша и симулякра (Jameson, 1991, p. 18). Этот код призван компенсировать невозможность или затрудненность доступа российского потребителя к западноевропейским курортам, предлагая внутренний суррогат высокого качества. Семиотика Красной Поляны построена на симуляции буржуазного уюта, альпийской аутентичности и экологического благополучия, которые наложены на жесткую сетку девелоперского капитализма и масштабного преобразования горного ландшафта. По оценкам градостроительных экспертов, данная модель «импортированной идентичности» вошла в клинч с локальным ландшафтным контекстом (Рысин, 2015, с. 79–80).

Таким образом, современная урбанистическая структура Большого Сочи функционирует как трехсоставная семиотическая система: исторический Сочи (советский классицизм и модернизм), Прибрежный олимпийский кластер (глобальный футуризм и техно-репрезентация) и Горный кластер (псевдоевропейский альпийский симулякр). Между этими тремя ядрами распределяются интенсивные потоки маятниковой миграции, туристов и ресурсов, связываемые новой транспортной инфраструктурой (совмещенная автомобильная и железная дорога), которая сама по себе выступает важнейшим урбанистическим знаком модернизации, буквально

прорезающим кавказский ландшафт туннелями и эстакадами (Бриних, 2014, с. 58–60). Эта транспортная ось функционирует как синтагматическая цепь, соединяющая разрозненные парадигмы в единый текст агломерации. В то же время подобное масштабное вторжение обнажает ключевое противоречие урбанистики Большого Сочи — конфликт между знаковой репрезентацией «экологического курорта» и реальным экологическим кризисом, спровоцированным гиперурбанизацией (Гудкова, 2015, с. 94–95). Пространство Сочи демонстрирует феномен «витринного урбанизма», где фасадная часть знака тщательно полируется, а его материальный референт находится в состоянии перманентного кризиса (Филобок и др., 2011, с. 1394).

Контр-тексты города: фавеллизм и неформальная морфология

Особый интерес для семиотического анализа представляет феномен сочинских «гаражей-небоскребов» и неформальной застройки в жилых микрорайонах (например, на Светлане или в микрорайоне Бытха). Этот пласт урбанистической морфологии функционирует как низовой контр-текст, противостоящий официальной парадигме парадного курорта. Многоэтажные жилые надстройки над стандартными лодочными кооперативами и гаражными боксами, лишённые профессионального проектирования и легитимного статуса, представляют собой уникальный феномен сочинского фавеллизма (Roy, 2005, p. 148). Семиотически это манифестация выживания местного населения в условиях неолиберальной туристической экономики, где каждый квадратный метр должен быть монетизирован под сдачу в аренду отдыхающим. Эта хаотичная, вирусная архитектура оперирует кодами бриколажа, самостроя и захвата, обнажая глубокий социальный раскол между миром элитных олимпийских объектов и повседневной реальностью местных жителей, вытесненных на обочину праздничного дискурса. О масштабах и градостроительных рисках сочинского самостроя сообщают аналитические материалы на специализированных ресурсах (Луценко, 2023).

Урбанистическая семиотика Большого Сочи также неразрывно связана с феноменом гидрофилии и гидрофобии в городском планировании. Море, являясь главным природным означаемым курорта, парадоксальным образом отрезано от города во многих его частях железнодорожным полотном, построенным ещё в дореволюционный и раннесоветский периоды. Эта железная дорога, идущая вдоль самого уреза воды от Туапсе до Адлера, выступает в роли жесткой физической и семиотической границы, барьера между селитебной зоной и пляжем. Городская урбанистика на протяжении ста лет пытается преодолеть этот разрыв с помощью системы подземных переходов, виадуков и променадов, однако травма разделенности города и моря остается неизлеченной.

Пляжная зона Сочи, в свою очередь, представляет собой специфическое семиотическое пространство тотального телесного предъявления и коммерческой компрессии. Пляж здесь функционирует как палимпсест, где на узкой полосе гальки сталкиваются советские практики коллективного оздоровления и современные коммерческие сервисы (бунгало, VIP-зоны, навязчивая торговля). В контексте современных урбанистических дискурсов Большой Сочи сталкивается с необходимостью выработки нового языка, способного примирить его историческое наследие, олимпийские симулякры и требования экологической устойчивости. Разработка нового Генерального плана города до 2044 года фиксирует попытку

институционального контроля над семиотическим хаосом постсоветского периода. Однако инерция капиталистического освоения пространства и высокий спекулятивный потенциал сочинской недвижимости продолжают генерировать новые зоны пространственного напряжения (Йоффе, 2023).

Анализ через призму пространственной триады А. Лефевра

Рассматривая Сочи через оптику пространственной семиотики, необходимо обратиться к концепции «пространственных практик» Анри Лефевра, согласно которой городское пространство производится через триаду воспринимаемого, замышляемого и переживаемого (Lefebvre, 1991, p. 38). В контексте Большого Сочи эта триада обнаруживает глубокие внутренние расколы.

«Замышляемое» пространство — это сфера деятельности государственных планировщиков, архитекторов и крупных девелоперов, которые на протяжении всего XX и начала XXI века навязывали городу масштабные утопические или псевдолиберальные сценарии развития. Советский план «Реконструкции курорта Сочи-Мацеста» 1933–1937 годов был классическим примером такого замышляемого пространства, где тоталитарное государство проектировало идеальный фасад социализма (Бондарь & Рысин, 2025, с. 103–105). В этом пространстве каждый элемент — от монументального здания Морского вокзала (архитекторы К. С. Алабян, Л. Б. Карлик) со шпилем, устремленным в небо, до парка «Ривьера» — должен был транслировать оптимизм, иерархичность и незыблемость советского строя. Здание Морского вокзала в этой семиотической системе функционировало как триумфальные ворота города со стороны моря, как знак советского присутствия на Черном море. Его архитектурная семантика, насыщенная скульптурными группами, символизирующими времена года и направления света, утверждала тотальный контроль над природными циклами и географическим пространством.

В постсоветский же период «замышляемое» пространство Сочи стало производиться транснациональными архитектурными бюро и корпоративными структурами, ориентированными на логику глобального капитализма. Олимпийские объекты и сопутствующая инфраструктура проектировались в отрыве от локального контекста, как универсальные знаки глобальной спортивной индустрии. Это привело к возникновению феномена, который антрополог Марк Оже (Augé, 1995, p. 77) называет «не-местами» (*non-places*). Аэропорт Сочи, новые железнодорожные вокзалы в Адлере и Красной Поляне, олимпийские медиацентры — все эти пространства лишены локальной идентичности, они семиотически стерильны и взаимозаменяемы с аналогичными объектами в любой другой точке мира.

«Воспринимаемое» пространство Большого Сочи — это сфера материальной повседневности, реальных физических перемещений и материальных объектов, которые часто вступают в конфликт с замышляемыми моделями. Из-за уникальной линейной морфологии города, вытянутого вдоль побережья и зажато между морем и горами, физическое восприятие Сочи дискретно и фрагментировано (Lynch, 1960, p. 46). Житель или турист в Сочи всегда находится в ситуации преодоления пространства. Расстояния между районами (Лазаревский, Центральный, Хостинский, Адлерский) настолько велики, что они функционируют скорее как отдельные микрогорода со своими собственными семиотическими микросистемами (Онищенко & Шарафутдинов, 2023, с. 38–40). Эта гетерогенность делает Большой Сочи

сложным урбанистическим конструктом, где отсутствует единый ментальный образ города в представлении его обитателей.

«Переживаемое» пространство Сочи — это пространство репрезентации и воображения, насыщенное символическими значениями. Одним из ключевых его элементов является миф о «Сочинском рае» — ментальная репрезентация города как зоны абсолютной климатической и социальной исключительности в границах России (Осинцева-Раевская, 2013, с. 116–118; Солтани, 2015, с. 258–260). Пальма в Сочи — это не просто ботанический объект, это ключевой идеологический знак, маркер границы между «обыденной Россией» с ее суровым климатом и «желаемой Россией» — пространством вечного праздника и тепла. Интродукция пальм в сочинский ландшафт, начатая еще в царский период и масштабированная в советское время, была актом сознательного семиотического конструирования пространства (Джанджугазова, 2008, 2013). В постсоветский период этот знак был коммерциализирован: изображение пальмы стало обязательным атрибутом любого локального бренда, от вывесок шашлычных до логотипов элитных жилых комплексов.

Цифровизация, секьюритизация и капитал идентичности

В рамках урбанистической семиотики важную роль играет понятие «городского интерфейса» — системы медиаторов, через которые человек взаимодействует с городским пространством (Aurigi & De Cindio, 2008, p. 102). В Большом Сочи этот интерфейс подвергся радикальной цифровизации и коммерциализации в последние годы. Пространство города теперь считывается через экраны смартфонов, приложения навигации, агрегаторы аренды жилья и социальные сети. Это порождает феномен «инстаграмной архитектуры» — пространства, спроектированного ради визуального потребления в цифровой среде (Фастовская, 2021). За красивыми деревянными настилами, перголами и неоновой подсветкой скрывается все та же проблема коммерциализации общественных пространств, где бесплатный доступ к городским благам постепенно сужается.

Семиотика Сочи также включает в себя сложную систему кодов безопасности, ставшую доминирующей после Олимпиады 2014 года. Городское пространство Сочи сегодня — одно из самых контролируемых и секьюритизированных пространств в России. Заборы, рамки металлоискателей, камеры видеонаблюдения с системой распознавания лиц, зоны транспортной безопасности — все эти материальные объекты функционируют как знаки тотального государственного контроля и надзора (Coaffee, 2009, p. 156). Урбанистика Сочи превратилась в урбанистику исключения и фильтрации потоков. Этот код безопасности вступает в прямое противоречие со старым кодом курортной свободы, расслабленности и карнавальности. Трансформация Сочи из открытого советского курорта в закрытую, секьюритизированную зону псевдолиберального туризма — один из главных итогов урбанистической эволюции города.

Архитектурная морфология Большого Сочи также несет на себе следы «капитала идентичности» (Zukin, 1995, p. 43). В условиях глобальной конкуренции городов Сочи вынужден постоянно изобретать свою идентичность, комбинируя несовместимые пространственные коды. Одним из таких кодов является имперско-ностальгический, который выражается в мифологизации объектов царского периода и концепте «Русской Ривьеры». Этот дореволюционный миф сегодня активно эксплуатируется девелоперами элитной недвижимости, дающими своим объектам

названия вроде «Кавказская Ривьера» или «Романовский» (Бондарь, 2024, с. 219–221). Однако имперский шик постоянно сталкивается с мощным пластом советской монументальной семантики, которую невозможно полностью вытеснить: советские санатории продолжают доминировать над ландшафтом Сочи благодаря своему масштабу, выступая как материальные свидетельства альтернативной цивилизационной модели.

Семиотика воды и ландшафтный пастиш горного кластера

Семиотический статус железнодорожной границы двояк: с одной стороны, для пассажира поезда, подъезжающего к Сочи, она открывает панорамный вид на море, функционируя как кинематографический интерфейс, транслирующий знак прибытия в рай. С другой стороны, для пешехода в самом городе эта железная дорога является зоной отчуждения, шума и опасности, отрезающей городскую ткань от пляжа. Попытки преодолеть эту травму разделенности привели к созданию многоуровневых набережных-эстакад, которые пытаются надстроиться над железнодорожным полотном и совместить функции пешеходного променада, коммерческой зоны и берегозащитного сооружения.

Семиотика сочинской набережной — это семиотика непрерывного спектакля, где главным действием является фланирование (*flânerie*) (Benjamin, 2002, p. 262). Набережная Центрального Сочи устроена как линейный театр, где фланирующие курортники одновременно являются и зрителями, и актерами. В последние годы урбанистическая мысль Сочи пытается переосмыслить это пространство в сторону большего минимализма и экологичности. В то же время этот новый урбанистический язык наталкивается на сопротивление существующей экономической модели, ориентированной на максимизацию прибыли с каждого квадратного сантиметра прибрежной земли.

Горный кластер сформировал совершенно новый для России тип урбанизированного горного ландшафта. Семиотика Красной Поляны и Розы Хутор построена на имитации альпийской деревни, считающейся в российском культурном контексте как знак высшего качества жизни и европейского комфорта. Архитектурный пастиш Розы Хутор с ее ратушей, часовой башней и фасадами в стиле «орнаментального историзма» — это сознательное конструирование симулякра, не имеющего корней в локальной истории Кавказа. Здесь урбанистическая среда функционирует как тематический парк, где туристу предлагается разыграть сценарий буржуазного европейского отдыха. Интересно, что этот альпийский код сосуществует с кодами кавказского гостеприимства и локальной гастрономической культурой, создавая причудливые гибридные знаки.

Пространство горного кластера также демонстрирует высокую степень коммерческой стратификации. Курорт «Красная Поляна», спроектированный в концепции «нового классицизма», оперирует знаками ордерной архитектуры и амфитеатров. Однако в реальности это пространство оказалось подчинено логике консьюмеризма, превратившись в декорацию для казино, элитных отелей и торговых центров. Семиотическое поле горного кластера соткано из различных цитат и реплик европейской архитектурной истории, собранных на кавказской земле ради создания иллюзии включенности в глобальный мир роскоши и досуга.

Семиотическое вытеснение и кинетический урбанизм

Эволюция пространственной структуры Большого Сочи выявляет феномен «семиотического вытеснения» — стирания нежелательной памяти (Чертов, 2023, с. 8–26). В процессе подготовки к Олимпиаде 2014 года многие исторические слои и маркеры локальной идентичности были сознательно маргинализированы или полностью уничтожены (Коротаев, 2015, с. 106–107). Это касается не только экосистем Имеретинской низменности, но и культурного ландшафтного наследия коренных народов Кавказа (черкесов, шапсугов), чье историческое присутствие на этой территории практически не артикулировано в официальном урбанистическом тексте современного Сочи (Кизилов, 2020, с. 73–74). Локальные этнографические маркеры присутствуют в пространстве города лишь в виде редуцированных, экзотизированных туристических знаков, лишенных реального исторического и трагического контекста Кавказской войны (Сулова, 2016, с. 94–95). Произошла санитарная обработка истории, при которой сложное, конфликтное прошлое региона было заменено бесконфликтным, коммерчески привлекательным мифом о мультикультурном кавказском гостеприимстве.

С точки зрения пространственной морфологии Большой Сочи являет собой пример экстремального линейного города (Милютин, 1930, с. 45). Эта линейность предопределяет уникальные логистические и коммуникационные свойства агломерации (Лаппо, 1997, с. 122). Город не имеет единого географического центра; его структура пульсирует вдоль федеральной трассы А-147 и железнодорожной ветки (Гарнага и др., 2022, с. 35–36). Эта линейная связанность создает специфический тип урбанистического опыта, который можно охарактеризовать как «кинетический урбанизм». Восприятие города происходит не в статичном созерцании площадей и радиальных улиц, а в постоянном движении на автомобиле, автобусе или пригородном поезде «Ласточка» (Лежава, 2009, с. 67–68). Скорость движения определяет степень детализации восприятия: новые эстакады, развязки и туннели, построенные к Олимпиаде, превратили перемещение по Сочи в скольжение сквозь ландшафт, где физическое пространство между узловыми точками сжимается и дематериализуется (Чертов, 2015, с. 58–60).

Урбанистическая ткань Сочи глубоко фрактальна: за пределами главных магистралей город распадается на множество изолированных ущелий и горных поселков, каждый из которых живет по своим собственным законам, часто далеким от парадных стандартов олимпийской столицы (Козинский и др., 2015, с. 87–90). Конфликт между парадным кинетическим фасадом и тупиковой фрактальностью внутренних пространств — одна из фундаментальных характеристик сочинского урбанизма (Стороженко & Бергман, 2023). Кроме того, урбанистическое развитие Большого Сочи в постолимпийский период вошло в фазу «джентрификации образа жизни» (Бойкова, 2013, с. 21–23): город стал привлекать постоянных мигрантов из крупных российских мегаполисов, несущих с собой запросы на стандарты глобального мегаполиса и тем самым перекодирующих сочинское пространство под нужды креативного класса (Мурунов, 2026).

Заключение

Первая часть настоящего исследования позволяет сделать вывод о том, что Большой Сочи представляет собой гигантскую пространственную машину, производящую смыслы, знаки и симулякры на протяжении двух столетий. Географическая среда Черноморского побережья Кавказа, детерминировавшая линейную структуру агломерации, оказалась ареной для реализации сменяющих друг друга цивилизационных мифов. Имперский миф о «Русской Ривьере», советский миф о «Всесоюзной здравнице», постсоветский коммерческий хаос и псевдолиберальный олимпийский футуризм оставили конкурирующие пространственные автографы в архитектурной морфологии и ландшафтной структуре города. Анализ через триаду Лефевра выявляет системный разрыв между замышляемыми утопиями власти и реальностью воспринимаемого и переживаемого пространства. Феномены «кинетического урбанизма», «семиотического вытеснения» и фавеллизма фиксируют структурные противоречия агломерации, которые не могут быть разрешены косметическими вмешательствами. Вторая часть исследования обратится к анализу геоморфологического субстрата, визуальной экологии, архитектурной морфологии стилей, медиарепрезентаций и итоговой диалектики сочинского урбанистического текста.

Библиография

- Анисимов, А. В. (2015). Архитектура Олимпиады. Полтора года спустя. *Academia. Архитектура и строительство*, 2, 65–77.
- Антология курортной архитектуры. Сочи – Мацеста. XX век (б.д.). *Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева*. <https://muar.ru/exhibitions/antologiya-kurortnoy-arkhitektury-sochi-matsesta-xx-vek/>
- Бозин, В. П., & Бомбин, В. К. (2011). К вопросу оценки рынка недвижимости объектов, связанных с олимпиадой в г. Сочи в 2014 году. *Вестник Московской международной академии*, 1, 151–157.
- Бойкова, М. (2013). Сочи-2014. Олимпиада на старте. *Прямые инвестиции*, 9, 20–25.
- Бондарь, В. В. (2024). Дореволюционный Сочи: эволюция пространственно-планировочной структуры. *Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение*, 53, 218–235.
- Бондарь, В. В., & Рысин, Ю. В. (2025). «Гармония архитектурных комплексов с естественным окружением»: послевоенный проект планировки Сочи-Мацестинского курорта и его воплощение в современном культурном ландшафте (к предмету охраны исторического поселения). *Academia. Архитектура и строительство*, 4, 101–109.
- Бриних, В. А. (2014). Во что Сочинская олимпиада обошлась природе? *Астраханский вестник экологического образования*, 2, 56–68.
- Гарнага, А. Ф., Задвернюк, Л. В., & Панчук, Н. Н. (2022). Город как системы потоков. Линейные города. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 3, 33–38.
- Гудкова, Н. К. (2015). Олимпийский проект в Сочи: экологические аспекты. *Academia. Архитектура и строительство*, 2, 93–96.
- Джанджугазова, Е. А. (2008). Сочи — Олимпийская столица: разные грани имиджа. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 3, 35–48.

- Джанджугазова, Е. А. (2013). Сочинский Дендрарий: парк в жизни горожан. *Современные проблемы сервиса и туризма*, 1, 95–103.
- Дрейзис, Ю. И. (2018). Планирование территориального развития города Сочи на постолимпийский период. *Вестник Академии знаний*, 6, 131–139.
- Ермачков, И. А. (2016). К вопросу о социально-экономическом развитии города-курорта Сочи в период перестройки (1985–1991 гг.). *Современные исследования социальных проблем*, 2-1(26), 40–59.
- Замятин, Д. Н. (2006). *Культура и пространство: Моделирование географических образов*. Знак.
- Йоффе, И. (2023). Урбанизация заповедных зон Сочи: ученые говорят о непоправимом уроне экосистеме заповедных территорий. *Агентство социальной информации*. <https://asi.org.ru/2023/04/14/urbanizacziya-zapovednyh-zon-sochi-v-proekt-genplana-vneseny-avtobany-i-zh-d-puti-cherez-kavkazskij-zapovednik/>
- Кизилов, А. С. (2020). Экономические перспективы развития фокусных точек историко-культурного наследия Большого Сочи. *Вестник Университета Российской академии образования*, 4, 72–79.
- Козинский, О. Ф., Козинская, О. В., Шарафутдинов, В. Н., & Клейменова, Н. Н. (2015). Значение олимпийского наследия в пилотном проекте Сочинско-Туапсинской курортной агломерации. *Academia. Архитектура и строительство*, 2, 86–92.
- Коротаев, В. П. (2015). Имеретинская низменность вчера, сегодня, завтра. *Academia. Архитектура и строительство*, 3, 104–107.
- Лаппо, Г. М. (1997). *География городов: учебное пособие*. ВЛАДОС.
- Лежава, И. Г. (2009). Выбор XXI века — линейная структура городских систем. *Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета*, 2, 66–69.
- Луценко, Е. (2023). В Сочи с начала 2023 года выявили 508 самостроев. *РБК*. <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/653963029a794704295a3a26>
- Милютин, Н. А. (1930). *Соцгород. Проблема строительства социалистических городов*. Госиздат.
- Мурунов, С. (2026). «В Сочи мне всегда не хватает моря»: что удивило урбаниста в городе-курорте. *SCAPP*. <https://sochi.scapp.ru/scapp-gorod/v-sochi-mne-vsegda-ne-khvataet-morya-что-и/>
- Онищенко, Е. В. (2009). Олимпийские перспективы как фактор модернизации рынка рекреационных курортных услуг г. Сочи. *Пространство экономики*, 7(2-2), 238–245.
- Онищенко, Е. В., & Шарафутдинов, В. Н. (2023). О совершенствовании системы управления Сочинской курортной агломерацией. *Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм*, 2, 35–45.
- Осинцева-Раевская, Е. А. (2013). Сочи. *Мир русского слова*, 4, 116–118.
- Рысин, Ю. В. (2015). Уроки Сочи. *Academia. Архитектура и строительство*, 2, 78–85.
- Садкова, А. (2026). Архитектура здоровья: Облик и значение санаториев СССР. *Calameo*. <https://www.calameo.com/read/006653342c51c573503d6>
- Самойлов, А. В. (2026). Архитектура санаториев СССР через взгляд человека из прошлого. *Mediia*. <https://mediia.com/project/7ad5789b53f6495eb4f61c2729b3f673>
- Солтани, Г. А. (2015). Романтизм худековского парка. К семантике сочинского «Дендрария». *Hortus botanicus*, 10, 250–269.

- Стороженко, К. А., & Бергман, А. В. (2023). Архитектурно-композиционные особенности курортной архитектуры города Сочи. *Инженерный вестник Дона*, 10(106). ivdon.ru/ru/magazine/archive/n10y2023/8760
- Субботин, О. С. (2021). Историко-архитектурная среда Сочи XVIII–XX вв. *Градостроительство и архитектура*, 11(4), 103–112.
- Суслова, И. Б. (2016). А. С. Ермолов, основатель города-курорта Сочи. *Гуманизация образования*, 5, 94–99.
- Трухачева, Г. А., & Шапиро, Г. Е. (2014). Архитектурные аспекты организации малых гостиниц на территории Большого Сочи. *Технические науки – от теории к практике*, 32, 93–101.
- Фастовская, Д. (2021). Что посмотреть в Сочи: 8 архитектурных достопримечательностей. *РБК Недвижимость*. <https://realty.rbc.ru/news/60fo703e9a7947c52010cfc3>
- Филобок, А. А., Некрасова, М. Л., Рябошапко, В. П., & Бутт, С. В. (2011). Курортно-рекреационное природопользование в городе Сочи в условиях подготовки к XXII зимней олимпиаде. *Известия Самарского научного центра РАН*, 13(1), 1393–1396.
- Чертов, Л. Ф. (2015). К семиотике пространственных границ. *Международный журнал исследований культуры*, 4(21), 50–62.
- Чертов, Л. Ф. (2023). Место как категория пространственной семиотики. *Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты*, 1(53), 8–26.
- Augé, M. (1995). *Non-places: Introduction to an anthropology of supermodernity*. Verso.
- Aurigi, A., & De Cindio, F. (Eds.). (2008). *Augmented urban spaces: Articulating the physical and electronic city*. Ashgate Publishing.
- Bakhtin, M. M. (1981). Forms of time and of the chronotope in the novel. In *The Dialogic Imagination: Four Essays* (pp. 84–258). University of Texas Press.
- Barthes, R. (1986). Semiology and the urban. In *The Semiotic Challenge* (pp. 87–94). Oxford University Press.
- Baudrillard, J. (1994). *Simulacra and simulation*. University of Michigan Press.
- Benjamin, W. (2002). *The Arcades project*. Harvard University Press.
- Coaffee, J. (2009). *Terrorism, risk and the global city: Towards urban resilience*. Routledge.
- Eco, U. (1986). Function and sign: The semiotics of architecture. In *The City and the Sign: An Introduction to Urban Semiotics* (pp. 55–86). Columbia University Press.
- Foucault, M. (1986). Of other spaces: Utopias and heterotopias. *Diacritics*, 16(1), 22–27.
- Frampton, K. (2007). *Modern architecture: A critical history*. Thames & Hudson.
- Groys, B. (1992). *The total art of Stalinism: Avant-garde, aesthetic dictatorship, and beyond*. Princeton University Press.
- Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford University Press.
- Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or, The cultural logic of late capitalism*. Duke University Press.
- Lefebvre, H. (1991). *The production of space*. Blackwell.
- Lynch, K. (1960). *The image of the city*. MIT Press.
- Müller, M. (2014). After Sochi 2014: Costs and impacts of Russia's Olympic Games. *Eurasian Geography and Economics*, 55(6), 628–655.
- Roy, A. (2005). Urban informality: Toward an epistemology of planning. *Journal of the American Planning Association*, 71(2), 147–158.
- Sassen, S. (2001). *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton University Press.
- Shields, R. (1991). *Places on the Margin: Alternative geographies of modernity*. Routledge.

- Soja, E. W. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places*. Blackwell.
- Zukin, S. (1995). *The cultures of cities*. Blackwell.

References

- Anisimov, A. V. (2015). Architecture of the Olympics. A year and a half later. *Academia. Architecture and Construction*, 2, 65–77. (In Russian).
- Anthology of resort architecture. Sochi – Matsesta. 20th century. (n.d.). *Shchusev State Museum of Architecture*. <https://muar.ru/exhibitions/antologiya-kurortnoy-arkhitektury-sochi-matsesta-xx-vek/> (In Russian).
- Augé, M. (1995). *Non-places: Introduction to an anthropology of supermodernity*. Verso.
- Aurigi, A., & De Cindio, F. (Eds.). (2008). *Augmented urban spaces: Articulating the physical and electronic city*. Ashgate Publishing.
- Bakhtin, M. M. (1981). Forms of time and of the chronotope in the novel. In *The Dialogic Imagination: Four Essays* (pp. 84–258). University of Texas Press.
- Barthes, R. (1986). Semiology and the urban. In *The Semiotic Challenge* (pp. 87–94). Oxford University Press.
- Baudrillard, J. (1994). *Simulacra and simulation*. University of Michigan Press.
- Benjamin, W. (2002). *The Arcades project*. Harvard University Press.
- Bondar, V. V. (2024). Pre-revolutionary Sochi: The evolution of the spatial-planning structure. *Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*, 53, 218–235. (In Russian).
- Bondar, V. V., & Rysin, Yu. V. (2025). “Harmony of architectural complexes with the natural environment”: Post-war planning project of the Sochi-Matsesta resort and its embodiment in the modern cultural landscape (on the subject of protection of a historical settlement). *Academia. Architecture and Construction*, 4, 101–109. (In Russian).
- Boykova, M. (2013). Sochi-2014. Olympics at the start. *Direct Investments*, 9, 20–25. (In Russian).
- Bozin, V. P., & Bombin, V. K. (2011). On assessment of the real estate market facilities directly related to the Olympic games in Sochi in 2014. *Bulletin of the Moscow International Academy*, 1, 151–157. (In Russian).
- Brinikh, V. A. (2014). What did the Sochi Olympics cost nature? *Astrakhan Bulletin of Environmental Education*, 2, 56–68. (In Russian).
- Chertov, L. F. (2015). On semiotics of spatial borders. *International Journal of Cultural Research*, 4(21), 50–62. (In Russian).
- Chertov, L. F. (2023). Place as a category of spatial semiotics. *Human: Image and Essence. Humanitarian Aspects*, 1(53), 8–26. (In Russian).
- Coaffee, J. (2009). *Terrorism, risk and the global city: Towards urban resilience*. Routledge.
- Dreyzis, Yu. I. (2018). Planning the territorial development of the city of Sochi for the post-Olympic period. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 6, 131–139. (In Russian).
- Dzhandzhugazova, E. A. (2008). Sochi – Olympic capital: Different facets of the image. *Modern Problems of Service and Tourism*, 3, 35–48. (In Russian).
- Dzhandzhugazova, E. A. (2013). Sochi Arboretum: A park in the life of citizens. *Modern Problems of Service and Tourism*, 1, 95–103. (In Russian).
- Eco, U. (1986). Function and sign: The semiotics of architecture. In *The City and the Sign: An Introduction to Urban Semiotics* (pp. 55–86). Columbia University Press.

- Fastovskaya, D. (2021). What to see in Sochi: 8 architectural sights. *RBC Real Estate*. <https://realty.rbc.ru/news/60fo703e9a7947c52010cfc3> (In Russian).
- Filobok, A. A., Nekrasova, M. L., Ryaboshapko, V. P., & Butt, S. V. (2011). Resort and recreational nature management in the city of Sochi under the conditions of preparation for the XXII Winter Olympic Games. *Izvestiya of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 13(1), 1393–1396. (In Russian).
- Foucault, M. (1986). Of other spaces: Utopias and heterotopias. *Diacritics*, 16(1), 22–27.
- Frampton, K. (2007). *Modern architecture: A critical history*. Thames & Hudson.
- Garnaga, A. F., Zadvernyuk, L. V., & Panchuk, N. N. (2022). City as a system of flows. Linear cities. *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 3, 33–38. (In Russian).
- Groys, B. (1992). *The total art of Stalinism: Avant-garde, aesthetic dictatorship, and beyond*. Princeton University Press.
- Gudkova, N. K. (2015). Olympic project in Sochi: Ecological aspects. *Academia. Architecture and Construction*, 2, 93–96. (In Russian).
- Harvey, D. (2005). *A brief history of neoliberalism*. Oxford University Press.
- Jameson, F. (1991). *Postmodernism, or, The cultural logic of late capitalism*. Duke University Press.
- Kizilov, A. S. (2020). Economic prospects for the development of focal points of historical and cultural heritage of Greater Sochi. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 4, 72–79. (In Russian).
- Korotaev, V. P. (2015). Imeretinskaya lowland yesterday, today, tomorrow. *Academia. Architecture and Construction*, 3, 104–107. (In Russian).
- Kozinsky, O. F., Kozinskaya, O. V., Sharafutdinov, V. N., & Kleymenova, N. N. (2015). The significance of the Olympic legacy in the pilot project of the Sochi-Tuapse resort agglomeration. *Academia. Architecture and Construction*, 2, 86–92. (In Russian).
- Lappo, G. M. (1997). *Geography of cities: textbook*. VLADOS. (In Russian).
- Lefebvre, H. (1991). *The production of space*. Blackwell.
- Lezhava, I. G. (2009). The choice of the 21st century – Linear structure of urban systems. *News of the Kazan State University of Architecture and Engineering*, 2, 66–69. (In Russian).
- Lutsenko, E. (2023). In Sochi, 508 illegal buildings have been identified since the beginning of 2023. *RBC*. <https://kuban.rbc.ru/krasnodar/freenews/653963029a794704295a3a26> (In Russian).
- Lynch, K. (1960). *The image of the city*. MIT Press.
- Milyutin, N. A. (1930). *Sotsgorod. The problem of building socialist cities*. Gosizdat. (In Russian).
- Müller, M. (2014). After Sochi 2014: Costs and impacts of Russia's Olympic Games. *Eurasian Geography and Economics*, 55(6), 628–655.
- Murunov, S. (2026). “In Sochi I always miss the sea”: What surprised the urbanist in the resort city. *SCAPP*. <https://sochi.scapp.ru/scapp-gorod/v-sochi-mne-vsegda-nekhvataet-morya-chto-u/> (In Russian).
- Onishchenko, E. V. (2009). Olympic prospects as a factor of modernization of the market of recreational resort services in Sochi. *Space of Economics*, 7(2-2), 238–245. (In Russian).
- Onishchenko, E. V., & Sharafutdinov, V. N. (2023). On improving the management system of the Sochi resort agglomeration. *Professor's Journal. Series: Recreation and Tourism*, 2, 35–45. (In Russian).

- Osintseva-Rayevskaya, E. A. (2013). Sochi. *The World of Russian Word*, 4, 116–118. (In Russian).
- Roy, A. (2005). Urban informality: Toward an epistemology of planning. *Journal of the American Planning Association*, 71(2), 147–158.
- Rysin, Yu. V. (2015). Lessons of Sochi. *Academia. Architecture and Construction*, 2, 78–85. (In Russian).
- Sadkova, A. (2026). Architecture of health: Look and significance of sanatoriums of the USSR. *Calaméo*. <https://www.calameo.com/read/006653342c51c573503d6> (In Russian).
- Samoylov, A. V. (2026). Architecture of USSR sanatoriums through the eyes of a person from the past. *Mediia*. <https://mediia.com/project/7ad5789b53f6495eb4f61c2729b3f673> (In Russian).
- Sassen, S. (2001). *The global city: New York, London, Tokyo*. Princeton University Press.
- Shields, R. (1991). *Places on the Margin: Alternative geographies of modernity*. Routledge.
- Soja, E. W. (1996). *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places*. Blackwell.
- Soltani, G. A. (2015). Romanticism of Khudekov park. To the semantics of Sochi “Arboretum”. *Hortus Botanicus*, 10, 250–269. (In Russian).
- Storozhenko, K. A., & Bergman, A. V. (2023). Architectural and compositional features of the resort architecture of the city of Sochi. *Engineering Journal of Don*, 10(106). ivdon.ru/ru/magazine/archive/n10y2023/8760 (In Russian).
- Subbotin, O. S. (2021). Historical and architectural environment of Sochi XVIII–XX centuries. *Urban Construction and Architecture*, 11(4), 103–112. (In Russian).
- Suslova, I. B. (2016). A. S. Yermolov, founder of the resort city of Sochi. *Humanization of Education*, 5, 94–99. (In Russian).
- Trukhacheva, G. A., & Shapiro, G. E. (2014). Architectural aspects of the small hotels in Sochi. *Technical Sciences – From Theory to Practice*, 32, 93–101. (In Russian).
- Yermachkov, I. A. (2016). To the issue on social and economic development of Sochi city during perestroika (1985–1991 years). *Modern Research of Social Problems*, 2-1(26), 40–59. (In Russian).
- Yoffe, I. (2023). Urbanization of protected areas of Sochi: Scientists speak of irreparable damage to the ecosystem of protected territories. *Agency for Social Information*. <https://asi.org.ru/2023/04/14/urbanizacziya-zapovednyh-zon-sochi-v-proekt-genplana-vneseny-avtobany-i-zh-d-puti-cherez-kavkazskij-zapovednik/> (In Russian).
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space: Modeling of geographical images*. Znak. (In Russian).
- Zukin, S. (1995). *The cultures of cities*. Blackwell.

Информация об авторе

Бениамин Викторович Маилян
кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой всемирной истории
и зарубежного регионоведения
Российско-Армянский университет
Армения, 0025, Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123
старший научный сотрудник
Институт востоковедения НАН РА
Армения, 0019, Ереван,
пр. Маршала Баграмяна, 24
ORCID: 0000-0003-0293-7895
e-mail: mailyan1968@gmail.com

Information about the author

Beniamin V. Mailyan
Cand. Sci. (Historical Sciences),
Associate Professor, Head of the Department
of World History and Foreign Regional Studies
Russian-Armenian University
123, Hovsep Emin St., Yerevan, 0025, Armenia
Senior researcher
Institute of Oriental Studies NAS RA
24, Marshal Baghramyan Ave.,
Yerevan, 0019, Armenia
ORCID: 0000-0003-0293-7895
e-mail: mailyan1968@gmail.com

Материал поступил в редакцию / Received 12.03.2026
Принят к публикации / Accepted 10.04.2026